

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Ольги Тарасевич
в серии «Артефакт & Детектив»**

Ожерелье Атона
Смертельный аромат №5
Проклятие Эдварда Мунка
Плачущий ангел Шагала
Крест Евфросинии Полоцкой
Роковой роман Достоевского
Копия любви Фаберже
Копье Судьбы
Последняя тайна Лермонтова
Тайна перстня Венеры
Кольцо леди Дианы
Сокровище князей Радзивиллов
Подарок Мэрилин Монро
Альбом страсти Пикассо
Золотой венец Трои
Оберег Святого Лазаря
Талисман Михаила Булгакова

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Талисман
Михаила
Булгакова

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 19

Оформление серии *С. Курбатова*

Тарасевич О. И.

Т 19 Талисман Михаила Булгакова : роман / Ольга Тарасевич. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-64984-6

«Рукописи сгорели. Просить, особенно у тех, кто сильнее, — бесполезно», — обо всем этом говорил в своих произведениях гениальный писатель Михаил Булгаков. Жизнь его была тяжела, но всегда в самые сложные годы его поддерживала вера в талисман — золотой браслет, подарок первой жены. В наше время за украшением начинают охоту неизвестные, противостоять которым практически невозможно... Судмедэксперт Наталия Писаренко оказалась в западне, как булгаковский Мастер в сумасшедшем доме. Ее сын задержан по подозрению в совершении убийства. Наталия точно знает: Дима не мог этого сделать. У нее есть только один шанс доказать его невиновность — найти настоящего убийцу. Наталия выясняет: преступник охотился за браслетом Михаила Булгакова. Ей кажется, что она идет по верному следу и разгадка близка. Но Аннушка уже разлила масло, и судьба Наталии, как и несчастного Берлиоза, предрешена...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тарасевич О.И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64984-6

*Все события и герои вымышлены.
Все совпадения случайны
и непреднамеренны.*

Пролог

Человек сошел с электрички одним из последних. Покидать вагон он не спешил: не хотел толкаться среди капризничающих детей и потных теток.

Обойдя море суетливых дачников, в котором буйками выделялись клетчатые сумки со снедью и коробки с рассадой, он презрительно усмехнулся.

Все это мерзкое болото, людская человеко-масса.

Народ.

Обыватели.

Тупые потребители разрушающих желудок чипсов и разжижающих мозг американских бевиков.

Они совершенно не задумываются о своей жизни, о собственном предназначении. И зачем-то регулярно воспроизводят себе подобных.

Разумеется, ни одному из этих лишенных интеллекта и воображения людишек не пришло бы в голову *такое*, хотя бы отдаленно похожее на то, что он задумал.

Впрочем, так и должно быть.

Есть общий биовид и есть его отдельные гениальные представители.

Такие, как он...

Человек быстрым шагом углублялся в лес.

Дачники выбрали освещенную гравийную дорогу, ведущую прямо к поселку, но ему не хотелось, чтобы *потом*, после того, как все будет *кончено*, кто-то мог вспомнить его внешность. Путь по лесной тропинке был более долгим и менее комфортным, но человек никуда не торопился.

Накануне поездки он прихватил с собой фонарик, однако дополнительного освещения не понадобилось.

Диск полной желтовато-бежевой луны прекрасно подсвечивал шершавые стволы сосен и мягкую душистую траву на обочинах тропинки.

Возле поляны, плавно переходившей в спуск к реке, человек замер.

От воды шел легкий туман, разделявшийся на длинные седые пряди.

Казалось, на траву наброшена сеть таинственного дыма, и вот-вот среди тьмы вспыхнет пламенное зарево костра и вокруг огня затанцуют обнаженные гибкие ведьмы с длинными волосами.

Открывшаяся перед его глазами картина напоминала кадры из «Мастера и Маргариты»; ту сцену, где Марго перед визитом к Воланду проходит обряд причащения кровью в ночном лесу.

«Все-таки Бортко — гениальный режиссер, он понимает Булгакова, как никто другой», — пробормотал человек, улыбаясь березам с пышными локонами.

Налюбовавшись мистическим пейзажем, он снова устремился вперед.

Тим уже ждал его в условленном месте.

В ночном полумраке улыбка парня выделялась ярким пятном.

Человек скептически хмыкнул.

Тим стойко ассоциировался у него с молодым безмозглым современным поколением. С ничтожными потребителями, отчаянно напрягающими малоразвитые мозговые извилины, пытаясь следовать модному нынче позитивному мышлению...

От Тима пахло жевательной резинкой, свежим парфюмом и предвкушением приличной суммы бабок.

— Принес? — поинтересовался человек у Тима, не здороваясь.

Тим быстро кивнул и вынул из висящего на плече портфеля для ноутбука сверток.

Он с видимым равнодушием развернул его. Серьги, колье, золотое колечко, серебряный браслет, перстень и портсигар. А вот — то самое, ради чего все и затевалось, — золотая браслетка, талисман Михаила Булгакова.

Считанных секунд хватило ему для того, чтобы почувствовать: от браслетки идет мощная струя сильной теплой энергии.

Все верно.

Настоящая вещь...

Любимая безделушка гения...

— Спасибо, — он с любопытством поглядел в голубые глаза Тима. Взгляд у юноши был нетерпеливым и радостным, совершенно не омраченным предчувствием приближающейся смерти. — Я доволен. Я тоже все принес, как обещал.

Он сунул сверток с антикварными украшениями в спортивную сумку, достал пакет, набитый пачками старательно нарезанной накануне бумаги.

Сейчас Тим возьмет пакет.

И, глядя вниз, достанет пачку, попытается извлечь купюру.

Мальчишка туп, но осторожен; ни за что не уйдет, не убедившись, что его не «кинули».

В запасе будет максимум полминуты, чтобы успеть достать нож и нанести удар.

Бить надо наверняка.

Нельзя допустить, чтобы Тим заорал — дачи находятся отсюда совсем близко, не хватало еще, чтобы кто-то бросился ему на помощь...

Выдохнув, он нащупал в кармане рукоятку ножа. И сразу же вспорол мягкую беззащитную мякоть живота негромко охнувшего парня.

К горлу подкатил комок.

Теплая, терпко пахнувшая кровь Тима брызнула ему на лицо. От этого человека сильно затошнило. Но он справился с накотившей дурнотой. И, убедившись, что Тим мертв, устремился прочь...

Глава 1

Татьяна Лаппа, 1917 год, Вязьма

Ребенок во мне все растет. На прошлой неделе Анна, что помогает мне управляться по дому, расшила в талии мое серое шерстяное платье. За работой она все повторяла: «Ох, зачем барыне платье расшивать? Скоро опять сделается оно мало. Я бы для вас лучше сшила платье новое, широкое».

Объяснять Анне, что нет нужды в новом платье, так как материнству моему не суждено случиться, я не стала. Пару лет тому нашу прислугу ссильничали пьяные мужики. С той поры она малость повредилась рассудком, хотя это и не сказалось на добром нраве ее и на безупречном прилежании.

— А что доктор, обедать не выйдет? — кричит Анна из столовой, звеня серебряными приборами. — Занедужил барин наш?

Я молчу. Впрочем, мои ответы Анну не интересуют. Накрывая на стол, она все воркует, что доктор болеет, но надо бы ему поправляться — ведь скоро появится ребенок, и хорошо бы, чтобы мальчик.

Если видеть теплый просторный наш дом, слышать радостный лепет прислуги, то вполне можно решить, что жизнь обитателей этого дома счастлива и беззаботна.

А между тем больше всего на свете я хотела бы удавиться.

Или никогда и вовсе не встречать Мишу — потому что радость нашей любви длилась мгновение, и сменилась она долгим стылým горем.

Нет, не ребенок держит меня на этом свете.

Дни крошечного теплого комочка, уже начинающего шевелиться во мне, сочтены.

Просто я как подумаю: «Ну вот, отравлюсь. А что потом с Мишей будет? Жалкий, страшный — кому он нужен такой?..» Подумаю так — и решаю погодить руки на себя накладывать. Хотя у фельдшера в больнице, должно быть, полно всякой отравы. И легко я могла бы получить ее — а хоть бы и для того, что якобы надо крыс потравить, чем не предлог?..

— Тася... Тася, зайди ко мне!

Послушно иду в спальню. В горле комок. Знаю, что скажет он. «Вот рецепт, торопись в аптеку, принеси морфий». А я ему скажу, что в Вязьме всего две аптеки. И аптекари уже *так* смотрят, когда я морфий спрашиваю, — как будто бы *все* им уже про доктора Булгакова известно. Боюсь, скоро отберут у Миши докторскую печать, и не сможет он больше выписывать рецепты на морфий. И тогда уж точно погибнет.

Мне было пятнадцать лет, когда я с ним познакомилась. А Мише — семнадцать. Тетка прислала меня на каникулы, посмотреть Киев. Мне понравился уютный их дом на Андреевском спуске. Понравился ли в тот самый первый приезд Киев — не помню. Помню только Мишины синие глаза, его ласковую улыбку, а еще красивые руки с тонкими пальцами. Он город мне показывал. Только Киева я так и не увидела, все на Мишеньку смотрела.

Помню, уже тогда сделал он мою золотую браслетку, что мама подарила мне на окончание гимназии, своим талисманом.

Браслетка была очень красивой — из частых золотых колечек, мягко охватывающих запястье. Мише она очень понравилась. Он попросил ее у меня на удачу — ему предстояло сдавать экзамен. Сдал, только представьте себе, и на отличную оценку!

— Тася, — Миша слабо машет рукой на окно, и я бросаюсь задерживать штору.

У мужа постоянные галлюцинации, и в окне видятся ему страшные черные люди. — Тася, надо в аптеку.

Часы над нашей кроватью с серебристыми шишечками показывают только два часа пополудни.

И это очень, очень плохо.

Миша и так колет морфий пару раз в день, утром и вечером. Но, похоже, уже нет сил у него терпеть до вечера, и хочет он укола и в обед.

Торопливо выписав рецепт, муж смотрит на мой живот и вздыхает:

— Тасенька, ну ты же понимаешь: оставлять никак нельзя.

Один раз Миша уже говорил мне такое. В Киеве, когда собирались мы венчаться, выяснилось: я понесла, и будет ребенок. Накануне прислала мне из Саратова мама денег на платье. Пришлось те деньги отдать доктору. Мишенька говорил: еще не время, ему надо выучиться. А мне тогда страсть как хотелось ребенка. У доктора я чуть не померла: наркозу мне почему-то не давали, боль была адская, а еще началось кровотечение, и доктор все не мог его унять, а я думала, что помру вот так глупо, накануне венчания.

Зато потом, в церкви, когда священник венчал нас, мы с Михаилом все хохотали. Как представляли, что тут вместо свадьбы могли бы похороны быть, — так и смеялись. Венчалась

я в белой кофточке и юбке. Мне их мама купила. Она на свадьбу приехала и когда доведалась, что платья нет, пошла к портному, и быстро пошили мне там кофточку. Родные Мишеньки были недовольны; думали, разве не могла уже мама моя мне платье пошить. Они считали, мы богато жили, но это было не так совсем...

Живот у меня еще небольшой.

А все равно, как наденешь теплую шубу и валенки — кажется, ни шагу ступить не выйдет; повалюсь набок и расшибусь всенепременно.

— Барыня, куда же вы! Обед простынет, — несется мне вслед отчаянный крик Анны.

Не до обеда теперь. Когда Мише нужен морфий — лучше повременить с другими делами, иначе сделается ему совсем худо.

Спешу, тороплюсь в аптеку. И, уклоняясь от колючего ледяного ветра, все вспоминаю наши с Мишей печали.

Никто из родных не знает, что Мишенька болеет. Боже упаси! Тотчас сделается дурно матушке и сестрам его, коли доведаются они о *таком*. Нет, решительно никому нельзя говорить про этот тяжелый недуг. Но все-таки поговорить с кем-то о происходящем мне хочется. Иногда такая тяжесть на сердце, такая тоска... Но разве есть подле меня тот человек, которому можно открыться? Персонал больницы меня ненавидит. Я пыталась уговорить Мишеньку

согласиться, чтобы я работала при нем. Хоть бы даже полы мыла — я на все готова, только бы отвлечься. Но санитарки и фельдшерицы восприняли в штыки: барыня не должна работать. И Мишенька, конечно, не решился им перечить. Рядом со мной нет ни души, чтобы излить свои печали. Но придумала я себе друга — чуткого, внимательного, преданного. Веду с ним неспешные беседы. Вот так я рассказала бы ему о возникновении страшной Мишенькиной болезни: «Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать трахеотомию. Знаете, горло так надрезается? Фельдшер ему помогал, держал там что-то. Вдруг ему стало дурно. Он говорит: «Я сейчас упаду, Михаил Афанасьевич». Хорошо, Степанида перехватила, что он там держал, и он тут же грохнулся. Ну, уж не знаю, как они там выкрутились, а потом Михаил стал пленки из горла отсасывать и говорит: «Знаешь, мне кажется, пленка в рот попала. Надо сделать прививку». Я его предупреждала: «Смотри, у тебя губы распухнут, лицо распухнет, зуд будет страшный в руках и ногах». Но он все равно: «Я сделаю». И через некоторое время началось: лицо распухает, тело сыпью покрывается, зуд безумный. Безумный зуд. А потом страшные боли в ногах. Это я два раза испытала. И он, конечно, не мог выносить. Сейчас же: «Зови Степаниду». Я пошла туда, где они живут, говорю, что «он просит вас, чтобы вы пришли».